

подобно императорским землям, автономией и удельностью; постепенно они почти перестали зависеть сперва от муниципальной, а затем и от государственной власти¹⁷. В тесной связи с ростом экзимирированного крупного землевладения находилось, по мнению К. Н. Успенского, и «закрепощение сельского населения империи, принявшее формы колоната». В своей трактовке римского колоната К. Н. Успенский находится под большим влиянием концепции М. И. Ростовцева. Подобно М. И. Ростовцеву, К. Н. Успенский сильно «ориентализирует» весь общественный строй Поздней Римской империи, ищет корни римского колоната на эллинистическом Востоке и предшественниками римских колонов считает эллинистических и доэллинистических «царских земледельцев» Египта и Малой Азии¹⁸. По его мнению, восточные формы закрепощения сельского населения были «всецело и покорно восприняты Римским государством»¹⁹. Характерными особенностями колоната в Восточной Римской империи, воспринятыми у эллинистического Востока, К. Н. Успенский (вслед за Ростовцевым) считает: 1) сочетание основ крепостничества с юридическими формами свободной земельной аренды; 2) применение к населению деревни и города учения об *idiaz* (*origo*), «которое обязывает каждого человека нести в своем родном углу (разрядка автора.— З. У.), в своем кругу определенные личные и имущественные тяготы...»²⁰. В дальнейшем развитие этого учения привело к появлению литургий и к прикреплению населения по месту приписки к тяглу; 3) наконец, третью особенность восточноримского колоната К. Н. Успенский усматривает в существовании на Востоке «государственных крестьян»²¹. Но параллельно (и отчасти против воли государства) складываются отношения, ведущие к экономической зависимости крестьян от крупных собственников. Явно преувеличивая степень распространения «крепостничества» на Востоке, К. Н. Успенский полагает, что в IV в. все сельское население империи было прикреплено к земле²². Вместе с тем большим достоинством раздела труда К. Н. Успенского о колонате является то, что автор отказывается от стремления многих ученых изобразить римских колонов единым «общеимперским классом» закрепощенных крестьян²³. Он правильно указывает на то, что колонат — явление бесконечно разнообразное как по своему происхождению, так и в сложившемся виде, а колоны IV — V вв. — не единая закабаленная и закрепощенная масса, но различные разряды и группы сельского населения (*оригинарии*, *адскрипции*, *coloni liberi* и др.), в статусе которых по-разному сочетаются элементы свободы и зависимости²⁴.

Приходя к этому интересному и вполне обоснованному выводу, К. Н. Успенский, однако, впадает в противоречие: в одном месте своего труда он утверждает, что основной тенденцией как экономического развития, так и государственной политики в IV—V вв. являлось закрепощение всего сельского населения. «В IV в. — пишет автор, — все сельское население империи оказывается прикрепленным к земле»²⁵. В другом же месте своей работы К. Н. Успенский, как бы забывая свои собственные выводы, утверждает, вслед за П. Г. Виноградовым, что «положение вещей в империи IV—V вв. было именно бла-

¹⁷ К. Н. Успенский. Очерки..., стр. 28—29.

¹⁸ Там же, стр. 34.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, стр. 35.

²¹ Там же, стр. 36.

²² Там же.

²³ Там же, стр. 38.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.